

МАША
ТРАУБ

На память
милый Стефе

Москва

МАША
ТРАУБ

Читайте книги Маши Трауб

ЛЮБОВНАЯ АРИТМИЯ
О ЧЕМ ГОВОРЯТ МЛАДЕНЦЫ
Я НИКОМУ НИЧЕГО НЕ ДОЛЖНА
ВСЯ LA VIE
СЕМЕЙНАЯ КУХНЯ
ЛАСТОЧ...КА
ЗАМОЧНАЯ СКВАЖИНА
НЕ ВСЯ LA VIE
ПЬЯНАЯ СТЕЛЯДЬ
ТЕТЯ АСЯ, ДЯДЯ ВАХО И ОДНА СВАДЬБА
ДНЕВНИК МАМЫ ПЕРВОКЛАССНИКА
ПАДШАЯ ЖЕНЩИНА
ДОМИК НА ЮГЕ
ОСТОРОЖНО – ДЕТИ! ИНСТРУКЦИЯ ПО ПРИМЕНЕНИЮ
СОБИРАЙСЯ, МЫ УЕЗЖАЕМ
СОНЯ И АЛЕКСАНДРА
ПЛЮС ОДИН СТУЛ
ЧУЖОЙ
СЧАСТЛИВАЯ СЕМЬЯ
ИСТОРИИ МОЕЙ МАМЫ
НАША ДЕВОЧКА
ПЛОХАЯ МАТЬ
ШУШАНА, ЖУЖУНА И ДРУГИЕ РОДСТВЕННИКИ
ВТОРАЯ ЖИЗНЬ
ПРОДАЕТСЯ ДОМ С ДЕДУШКОЙ
УВАЖАЕМЫЕ ОТДЫХАЮЩИЕ!
ВТОРОЙ РАЗ В ПЕРВЫЙ КЛАСС
НА ГРАНИ РАЗВОДА
ЛИШНИЕ ДЕТИ
ЛЮБОВЬ СО СТРАННОСТЯМИ И БЕЗ
ВСЕГДА КТО-ТО ПЛАТИТ
МОЯ БАБУШКА – ЛЕРМОНТОВ
БЕДАБЕДА
ИЛИ Я СЕЙЧАС УМРУ ОТ СЧАСТЬЯ
ПОЛНОЕ ОЗОМЛЕНИЕ
ПЛОХАЯ ДОЧЬ
НЕ МАМКАЙ!
НЕВОЗВРАТНЫЙ БИЛЕТ
КОЛЬЦО ИЗ ФОЛЬГИ
ВСЕ, ЧТО ПРОИЗОШЛО В ОТЕЛЕ
НОВЫЕ СЕМЕЙНЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА
ПОПОЛАМ
БАБУШКА, КОТОРАЯ ХОТЕЛА СТАТЬ ДЕРЕВОМ
НЕСЛУЧАЙНЫЕ ЛЮДИ
ТРОПА ЖЕЛАНИЙ
НА ПАМЯТЬ МИЛОЙ СТЕФЕ

МАША
ТРАУБ

На память
милый Стефе

Москва

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т65

Иллюстрация на переплете *Ольги Прусаковой*

Трауб, Маша.
Т65 На память милой Стефе / Маша Трауб. —
Москва : Эксмо, 2025. — 320 с.

ISBN 978-5-04-211355-0

Это и эпистолярный роман, и история архивных изысканий, приводящих к раскрытию почти детективной семейной тайны. В повествовании пересекаются время и пространство, русский, французский, итальянский, английский и даже провансальский языки, письма и девичий альбом из прошлого и электронные послания сегодняшнего дня. Калейдоскоп событий и чувств позволяет очень молодому человеку, попавшему в чужую для себя среду, обрести заботу, любовь и новую, многочисленную, семью.

**УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44**

ISBN 978-5-04-211355-0

**© Трауб М., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025**

Я оказался в другой стране, в другом городе, в который не собирался переезжать. Но так сложились обстоятельства. Да и квартиру не надеялся снять быстро. Жил в хостеле, сосед по комнате храпел нещадно, в ванной цвела плесень. Но я смирился — на большее в ближайшее время рассчитывать не приходилось.

Я учился в магистратуре местного университета и подрабатывал частными уроками. Как утверждала моя мама, не требовал от жизни большего. Наверное, это так. Амбиций во мне и вправду маловато. Но их хватило для того, чтобы поступить, уехать и продолжать учиться. Это мне нравилось. Как и то, что я наконец сбежал от собственной матери. Нет, я ее любил, но, согласитесь, странно для юноши в двадцать три года жить с матерью, которая забывает, сколько лет ее сыну. Она требовала, чтобы я ей докладывал о каждом шаге и возвращался домой не позже десяти вечера. Она звонила раз в час, и если я не отвечал на звонок, вечером меня ждал скандал.

Маша Трауб

Кажется, у мамы был кризис определения, или как там он еще называется — то она считала меня подростком, за которым нужен глаз да глаз, то вроде как мужем, за которым тоже нужен присмотр. Нет, она не беспокоилась о том, что со мной что-то случится. Она беспокоилась о себе. Это нормально. У нее, кроме меня, никого не осталось. Ни подруг, ни родственников. Работа была, но с коллегами мама особо не общалась и уж тем более не дружила. Однажды она увидела меня с девушкой и закатила настоящую сцену ревности. Мой отец не выдержал постоянных скандалов и давно ушел. Теперь у него новая семья. Я тоже не выдержал и уехал. У каждого свой стимул начать самостоятельную жизнь, у меня — выбраться из-под родительской опеки.

Что еще я могу рассказать о себе? Мне двадцать три года, меня зовут Савелий, я родился и вырос в Москве. Родители, как я уже говорил, в разводе. С отцом иногда общаюсь и, если честно, понимаю, почему он ушел от матери, хоть и нехорошо так говорить. Я еле дождался окончания бакалавриата истфака МГУ, после чего поступил в магистратуру в итальянский вуз. Почему за границу? Мне хотелось уехать как можно дальше. Если бы в Антарктиде был университет с моей программой, я бы и туда уехал.

До университета мне добираться полтора часа на электричке, но это нормально. Сейчас я живу в городке на границе Франции и Италии. Много раз проезжал мимо на поезде и однажды решил выйти и прогуляться. Город мне понравился. В нем хоте-

На память милой Стефе

лось жить, переехать сегодня же. Не знаю уж, почему у меня возникло такое чувство. Наверное, из-за рынка. Я захотел есть, а на рынке всегда можно найти что-то готовое и сытное, да и дешевле, чем в кафе. На рынке с клиентами говорили по-французски, потому что городок находился во Франции, но между собой все переходили на итальянский. Я мечтал выучить итальянский, но учился во французской спецшколе. Так решила моя мама. Впрочем, я был ей за это благодарен. В институте тоже учил французский и английский, а перед поступлением в магистратуру пришлось заниматься только английским, чтобы сдать экзамен. Так что пока я пребывал в некой растерянности — на какой язык сделать упор. Учить итальянский, как всегда хотел, или совершенствовать французский?

Пока я об этом думал, стоя над прилавком с пирогами, уже получил свой, оказавшийся невероятно вкусным. И еще один кусок с собой. Бесплатно. Как новому покупателю. Я был благодарен, честно. Моих частных уроков едва хватало на то, чтобы заплатить за хостел и не умереть с голоду. Но в этом я был сам виноват. Мне не нравилось преподавать, я не умел объяснять школьную программу. Уж не знаю, почему меня вообще еще держали в качестве репетитора. Да, мне пришлось расширить квалификацию — я преподавал не только историю, но и русский язык, и литературу. Как правило, детям, родители которых давно переехали, но хотели, чтобы их отпрыски все же умели читать и писать по-русски. Детям это было совсем не нужно и не интересно. Но они чувствовали, что я

Маша Трауб

тоже страдаю, а страдать вместе как-то интереснее и не так обидно. Или просто жалели меня, понимая, что, лишившись хотя бы одного ученика, я останусь без ужина. Во всяком случае, так мне объяснил один мой подопечный, Андрей. Я считал его избалованным подростком. Кто бы мне тогда сказал, как я ошибался.

Так вот, я переехал в тот городок, в очередной хостел, мало чем отличающийся от предыдущего. Разве что в комнате не было храпящего соседа, что я уже считал невероятной удачей. С переездом проблем не возникло — все мои вещи помещались в один чемодан, половину которого занимали книги. Преподавал я онлайн и был удивлен, когда узнал, что Андрей тоже живет в этом городке.

Мне нравилось там жить, потому что город, хоть и средневековый, был совершенно нелогичным. Улочки в подобных старых городах всегда и везде проходные, выводящие в другой переулок, проход, они раздваивались, ветвились. Здесь не было главной площади, и все важные события проходили на пяточке перед местным собором. Лестница, ведущая от него вниз, конечно, была прекрасна, но параллельные улочки могли посоревноваться с ней в живописности. Я приехал не в сезон, но туристов хватало, особенно из Японии. Японские девушки были одеты как персонажи аниме и без конца фотографировались на фоне кустов цветущих олеандров, старых стен и дверей с массивными засовами, переходов, ведущих будто в подземелье горного короля. Я не удержался и тоже сделал несколько селфи. Правда,

На память милой Стефе

посылать их мне было некому. Мама не поймет, отцу после рождения второго ребенка, получается, третьего вместе со мной, вообще не до этого.

Местное кладбище считалось достопримечательностью, но вход в него украшала статуя не какого-то ангела или архангела, а вполне себе некогда живого игрока то ли в бейсбол, то ли в гольф. Этот игрок был выходцем из этого городка, и его статую поставили на входе на кладбище. И табличку прикрепили: «Здесь родился и вырос...» Сам же он был похоронен в другом месте, что вообще никого не волновало. По официальной информации, на местном кладбище упокоились многие знаменитости — от композиторов до писателей, а также их сестры, братья и прочие родственники, которые провели здесь «самые счастливые годы своей жизни». Поверьте мне на слово, я обошел кладбище несколько раз, но ни одного из описанных захоронений не нашел. Впрочем, это было не удивительно. Каждый город имеет свою легенду — именно там кто-то остановился на минуту, ночевал, написал великую книгу, женился, умер. Другой городок будет настаивать, что все произошло именно у них, а в том, предыдущем, великий человек заглянул на рыночную площадь, не более того. А третий городок станет утверждать, что в предыдущих двух знаменитость вообще никогда не появлялась и именно у них были созданы все величайшие произведения, вот на этой самой улице. Впрочем, это никак не влияет на паломничество туристов. Им показывают заброшенный дом, сарай и утверждают, что именно там случилось чудо, и туристы щелкают

Маша Трауб

телефонами. Почившие знаменитости давно стали предметом маркетинга, а не истории.

Рядом с кладбищем находилась смотровая площадка, тоже отмеченная в путеводителях как знаменитая. Но самый потрясающий вид на город открывался с другой, а все толпились на этой. Может, и с кладбищем так? Знаменитые захоронения находились на другом, обычном городском?

С собаками вход на кладбище был запрещен. Даже висел знак. Я однажды увидел мужчину, который стоял у ворот и держал на руках пуделя. Кажется, это был мальтипу. Он облизывал мужчину и был ужасно милым. Туристы подходили, улыбаясь, спрашивали, как называется порода. Мужчина отвечал, что он ничего не знает, хозяйка на кладбище. Пес ластился к мужчине как к родному. Я решил, что никогда не заведу собаку, которая будет облизывать всех, кого ни попадя. Впрочем, собаку я не мог себе позволить. Себя бы прокормить.

Рядом с кладбищем находилась начальная школа. Я каждый раз думал, каково это — бежать утром в школу и возвращаться домой мимо всех этих могил, памятников и постаментов? В детстве я бы подумал, что это очень круто. Интересно, здешние дети придумывают страшилки про мертвецов, пугают друг друга? А еще мне нравилась машина. Это был старенький «фиат», совсем крошечный. Я бы хотел на таком ездить в старости. Но на нем, кажется, передвигались совсем редко. Он стоял под разросшимся, невероятно красивым кустом олеандра. И вся машина была усыпана цветами и лепестками, будто карета

На память милой Стефе

принцессы. Олеандр цвел активно, машина покрывалась все новым и новым слоем.

Я помню, у папы был автомобиль, и он всегда ругался, когда приезжал меня проведать. Говорил, что после этого ему приходится ехать на мойку. За пару часов машина покрывалась липким слоем пыльцы, слетевшей с березы, которая росла рядом с нашим подъездом. И заодно пухом от соседнего тополя. Папа считал, что только в нашем районе березы и тополя цветут одновременно, назло всем жителям и владельцам машин. Особенно тем, кто страдает аллергией и на то, и на другое, как мой отец. Я всегда считал себя виноватым за то, что ему приходится приезжать, чтобы со мной повидаться. Отец, заглатывая очередную таблетку, говорил, что еще дней пять будет ходить с опухшим лицом и насморком.

— Поставь не под березой, — предлагал я. Наши встречи из-за этой аллергии превращались в сущее мучение и для отца, и для меня. Но на них настаивала мама. Я хотел предложить отцу не приезжать или встречаться в другом месте, но не решался спорить с матерью. Она настаивала на встречах в ее присутствии. Мы сидели в комнате друг напротив друга, а мама громыкала тарелками на кухне. Но мы с отцом знали, что она все слышит. Хотя сложно представить себе откровенные разговоры, когда у одного из собеседников все время льются сопли, он краснеет, опять тянется к таблетке.

— Если я поставлю машину дальше, там голуби! Они всю машину загаживают! — чуть ли не кричал папа.

Маша Трауб

— Ты же раньше шутил, что, если голубь накакает на голову, это к деньгам и удаче, — я пытался пошутить, но отец только отмахивался. Весь отмеренный нам мамой час для общения отец обычно полулежал в кресле и невыносимо страдал. Я сидел напротив, молчал и изображал сочувствие. Смысла в этих визитах не было никакого. Но мама, видимо, считала иначе, раз настаивала на нашем обоюдном мучении.

Однажды, по дороге в школу, мне действительно досталось от голубя. Видимо, ему больше некуда было сходить в туалет, кроме как на мою голову и плечо. Голубь, как и остальные пернатые в том месте, на входе в парк, хорошо питался благодаря заботливым бабушкам. Птицы сидели на железных воротах и слетались неожиданно, как стая коршунов, увидев знакомую бабульку с пакетом хлеба. Я случайно проходил мимо и поначалу не понял, почему на меня вдруг летит обезумевшая стая. Когда уже в студенческие годы я посмотрел фильм «Птицы» Хичкока, чуть ли не смеялся в голос, чем изрядно напугал однокурсницу Свету, на которую собирался произвести неизгладимое впечатление. Впрочем, своей цели я достиг — она сочла меня маньяком и наотрез отказалась встречаться. А я так и не смог объяснить ей, что киношные птицы не чета нашим, реальным.

А тогда, в детстве, я, плача от ужаса, вернулся домой и позвонил папе. Он приехал и заверил, что все это — хорошая примета и меня ждет удача. Я ему поверил, и примета сбылась — на следующий день получил пятерку за контрольную по математике,

На память милой Стефе

которую списал у одноклассника Гриши. Опять же удача, что меня к нему пересадили. Любой хотел оказаться рядом с Гришей на математике — он был гением и разрешал списывать. Но иногда у моего одноклассника случались нервные срывы, и он никого не разрешал подсаживать к себе за парту. Учительница, верившая, что Гриша — абсолютный гений, не спорила и усаживала того, кому не досталось места, за свой учительский стол. Что было полным кошмаром, поскольку списать не оставалось ни единого шанса. Но в тот день Гриша был в хорошем настроении и не возражал, если я сяду рядом. Так что я поверил в хорошую примету.

Папа утверждал, что на машину примета не распространяется. Интересно, что бы он сказал, если бы его автомобиль был завален цветками олеандра. Мама бы наверняка запретила мне брать цветок. Кричала бы, что я непременно отравлюсь. Хоть олеандр считается ядовитым растением, отравиться им не так уж просто. От одного цветка точно ничего не случится. А чтобы сделать смертельное зелье, потребовались бы и время, и усилия. Мама всегда преувеличивала масштабы бедствия. Наверное, это была еще одна причина, по которой я стремился от нее поскорее уехать, и как можно дальше. Если я простужался, мама немедленно подозревала воспаление легких. Если у меня болела голова, мама утверждала, что точно менингит. Если на физкультуре в школе я получал легкое растяжение, мама таскала меня по хирургам и требовала наложить гипс, желательно на все тело.

Маша Трауб

Папу она считала опасным для моего здоровья. Когда мы иногда встречались с ним не дома, ели мороженое, сладкую вату, шоколадки и все, чего захочется в любом количестве. Мама кричала, что отец хочет довести меня до раннего диабета. Что такое диабет, я не знал, но был уверен, что совершенно смертельное заболевание.

Папа приезжал все реже. Я считал, что это связано с разросшейся под домом березой и его машиной, которую он не хотел мыть. Но мама утверждала, что мой отец «думает только о себе». Это звучало как диабет, полиомиелит, то есть как диагноз. С мамой я давно не спорил, чтобы не получить новый уже для себя. Она придумывала болезни с удивительной легкостью. Если я задумывался о чем-то, мама считала, что я страдаю задержкой в развитии. Если бегал по парку, носился по детской площадке — значит, у меня непременно был дефицит внимания и прочее, я уже не помню что.

А если папа забывал приехать, прислать алименты, поздравить и так далее, мама произносила ту самую коронную фразу — «он думает только о себе».

В детстве я не очень понимал этот упрек. А о ком еще папа должен думать? Мама всегда твердила, что я обязан сначала подумать, а потом что-то говорить или делать. Значит, я должен был подумать о себе. Потому что сначала хотелось все высказать, потом все сломать. А думать о последствиях совсем не хотелось.

Теперь в памяти всплывали то береза и тополь, которые папа терпеть не мог, то голуби, которых